

УДК 167.7:162.6:164.05

О некоторых проблемах логики и методологии социального исследования

В. С. Новожилов

В сложившейся практике вузовского методологического образования остается заметной тенденция к абсолютизации эмпирических и теоретических процедур так называемой фундаментальной науки, то есть методологии математического естествознания.

Курсы логики и методологии социально-гуманитарного знания, как показывает анализ соответствующих учебных программ, чаще всего сводятся к философскому уровню рассмотрения проблематики социума, например, сравнительному исследованию имевших место в истории социальной философии моделей общества, критике мировоззренческих подходов и т. п.

Понимание студентами-гуманитариями конкретных аналитических способов изучения, адекватных предмету их собственной науки, в результате происходит, по большей мере, стихийно – через содержание классического наследия, отраженного в текстовых первоисточниках по истории, социологии, культурологии, филологии, праву.

В настоящей статье делается попытка дополнения традиционных подходов к изложению методологии социально-гуманитарного знания концептуально-теоретическими и методологическими средствами междисциплинарной системологической области современной науки.

Согласно известному принципу «оборачивания» теории в метод, дескриптивные и нормативные предложения науки взаимоопределяемы. Следовательно, содержательная предметная специфика социально-гуманитарного знания обуславливает его методологическую специфику.

Но прежде чем говорить о ней, обратим внимание на то, что сам термин «гуманитарная наука», принятый сегодня повсеместно, не совсем точно отражает предметную специфику этой области знаний. Исторически он сложился в период общих сциентистских устремлений Нового Времени, когда идеал научного типа рациональности распространился в сознании настолько, что критерии научности стали даже прилагаться к областям очень далеким от науки, например, к теологии.

После выхода в свет «Логики» Дж.-Ст. Милля, как, впрочем, и благодаря общей позитивистской атмосфере второй половины 19 века, повсеместным становится убеждение, что любое, в том числе и социологическое, знание должно строиться по образцу индуктивных наук.

Позитивистское включение социологии в состав подлинного научного знания, происходившее под предлогом очищения ее от любых метафизических допущений и умозрительных априорных схем, привело в конечном счете к сведению картины социальной реальности к эмпирически бледной схеме весьма поверхностных представлений, ограниченных рамками непосредственного опыта.

Такое «онаучивание» социального знания не могло стать разрешением вечной для социологии дилеммы рационализма и эмпиризма, как, впрочем, не достигла полностью своей цели и марксистская попытка «превращения социологии из утопии в науку» на основе принципов диалектического материализма и экономического детерминизма.

Нет сомнения, исторический материализм, как социально-философское приложение диалектико-материалистической методологии, придал гуманитарному знанию значительную теоретическую стройность. Теория общественно-экономических формаций значительно повысила объяснительную и предсказательную способность социального знания, позволила сократить логический разрыв между естествознанием и обществоведением.

Вместе с тем, чрезмерная идеологизация Марксом социальной философии, классовая тенденциозность его выводов увели социологию с путей подлинной научной объективности на

пути сугубо прагматичной политики и коммунистической партийности, вопреки тем целям, которые сам Маркс называл определяющими и связывал с идеалами подлинного гуманизма.

Не вдаваясь в дискуссионную до сих пор проблему об исторических судьбах и перспективах марксистской идеи, подчеркнем, что методологически ценным, хотя и не всегда реализованным самим Марксом, остается положение исторического материализма о том, что вся человеческая практика должна войти в полное определение любого социального явления и что социальная реальность должна быть диалектически рассмотрена не только в духе чистого объективизма, но и субъективно – в соответствии с целями и намерениями действующего индивида.

Оно подразумевает, что основное гносеологическое отношение в социальном познании таково, что событие социальной жизни не может быть объективным в том традиционном смысле понятия объективности, как оно используется в естествознании. Субъективность пронизывает это событие, и потому задачей социального исследования становится теоретическое воспроизводство сложной диалектики, имеющих тут место субъект-объектных отношений.

Социальная теория в этом смысле своеобразно априорна. Не может быть «чистого» социологического разума. Понимая это своеобразие гуманитарной методологии, Гельмгольц предложил в свое время называть применяемый в гуманистике индуктивный метод художественно-инстинктивным. Он считал, что гуманитарные исследования неизменно связаны с особыми психологическими условиями, когда реальность социального факта обуславливается не только однозначно фиксируемыми данными непосредственного опыта, но и факторами исторической памяти, социальных традиций и норм.

Гельмгольц, обосновывая специфику гуманитарного знания, обращается к различению и единству естественной необходимости и свободы, наблюдаемых в общественной жизни. Он подтверждает классическое убеждение, что человеку побеждать природу можно только подчиняясь ей. Это означает, что законы общественной жизни, на которые наводит логика конкретных событий и вся история в целом, – есть продолжение законов природы, а социальные нормы и запреты, как бы априорно предпосланные социальному действию, есть ничто иное, как выражение естественных ограничений, налагаемых на свободную волю индивида.

Такой ход рассуждений подводит нас к необходимости активного применения в области социально-гуманитарного знания одного из разделов современной нетрадиционной логики, называемой деонтической или логикой норм и оценок.

В дополнение к традиционной двузначной логике эта последняя включает в состав анализируемых мыслительных переменных модальную возможность события. Эта логика учитывает, что помимо физической, выраженной в законах природы, логической, выраженной в законах традиционной формальной логики, существует также оценочно-нормативная необходимость. Именно она действует в социосфере и представлена в общественном сознании большим спектром идеологически-правовых, этических, эстетических, религиозных и обыденно-ритуальных установлений.

Обратим внимание, что все названные виды необходимости взаимосвязаны: социальное действие, вменяемое обществом в обязанность, должно быть физически и логически возможным, но, вместе с тем, и социально санкционированным. Принципы морали, законы государства, правила обычая, порядок ритуала обуславливают выбор социально возможного действия из нормативно допустимого и необходимого. Свобода такого выбора задает альтернативность истории, мозаичность культуры и даже форму власти. Считается, например, что принцип «разрешено все, что не запрещено», лежит в основе либеральных властных режимов, а обратный – «запрещено все, что не разрешено» – характеризует авторитарный стиль социального правления.

Государственно-правовая практика применения логики социальных норм и оценок предполагает ее естественное обоснование и юридическое обеспечение системой социальных санкций. Именно благодаря принципам естественного права, эти санкции становятся высоко легитимными и конкретно применимыми.

Нормативные детерминанты социального бытия напрямую вытекают из логики социальных оценок. Это значит, что в обществе нечто считается желаемым или обязательным в

зависимости от того, что признается в нем позитивной ценностью и, наоборот, отвергается то, что не считается ценным.

Методологически очень важно, что через посредство социальной логики норм и оценок можно связать специфическую социальную аксиологию с философской аксиологией в целом.

Известно, что философская рефлексия над условиями человеческого существования представляет собой такой уровень духовного освоения действительности, при котором познанные человеком объективные закономерности соединяются с его целенаправленностью на практическое овладение названными условиями. Отсюда вытекает, что нормативно-оценочное отношение, так или иначе присутствующее в любом социологическом рассуждении, свидетельствует о принципиальной телеологической «обреченности» социального знания, что казалось бы уводит это знание из области подлинной науки.

Но, как уже было сказано, социальное знание – не совсем обычная наука. Здесь критерий научности подразумевает не столько требование строгой методичности и рафинированной объективной истинности, сколько ориентацию обществоведения на повышение уровня его теоретичности и практической применимости. Поэтому лучше использовать для названия этой области знания менее строгий термин «социальное исследование», противопоставляя его термину «социальная доктрина», имеющему метафизический и догматический смысловой оттенок. Доктринерство в социальной области считается не просто методологически порочным способом теоретического обоснования, но граничит с иррационализмом в его худшем варианте, а телеологический способ обоснования, присущий социальному доктринерству, в наше время рассматривается в качестве невежественного возвращения к тому времени, когда телеология и теология были не просто близкими по звучанию, но и по содержанию понятиями.

Нетрудно убедиться в том, что в общем развитии науки последних столетий существует устойчивая тенденция к элиминации из теоретического обихода всякого целевого объяснения как пережитка антропоморфизма, субъективизма и доктринерского догматизма.

Однако целенаправленность присуща человеческой деятельности объективно, и поэтому телеологизм как методологический принцип должен быть с необходимостью включен в схему любого социологического рассуждения. Каким же образом придать этому принципу современное научное звучание?

Думается, что социологический телеологизм может получить позитивное содержательное наполнение за счет применения новейших структурно-функциональных и синергетических представлений.

С логической точки зрения, функциональный и телеологический подходы очень близки друг другу и взаимоопределяемы. Функция, по одной из классических формулировок, представляет собой такие наблюдаемые следствия в поведении системы, которые способствуют ее приспособлению к среде или развитию в ней. Поэтому функционально-синергетическое рассуждение выглядит следующим образом: для всякого x , если X – открытая неравновесная система, ее функцией y следует считать объективную согласованную деятельность элементов X по достижению необходимого и достаточного для ее сохранения и развития разнообразия.

Как видно из данного определения, парадигма функционального объяснения базируется на понятии целевой потребности, как реализации системой выбора из имеющихся возможностей определенных степеней свободы.

Эвристическое значение этой парадигмы для социального исследования заключается в том, что методологически конкретно задается теоретическая модель социума: это всегда колебательный контур между функциональным императивом социальной жизнедеятельности, т. е. заданной целью и ресурсными возможностями системы по ее устройству и развитию.

Целенаправленная деятельность в обществе должна таким образом расшифровываться не только как деятельность, направленная к цели как результату, но и как особый процесс пошагового целевого функционирования, управляемый информационными потоками прямой и обратной связи.

Социальные системы относятся к типу самых сложных целенаправленных систем с памятью, и базисная схема взаимодействия между управляемой системой и средой на любых

уровнях социума – от общества в целом или конкретно-исторической системы общественно-экономической формации и вплоть до их структурных подразделений, т. е. социальных организаций и индивидуальной жизнедеятельности, будет выглядеть следующим образом:

Рамки настоящей статьи не позволяют дать развернутую характеристику всех компонентов управления, представленных на данной схеме. Обратим лишь отдельное внимание на особенности управленческих отношений, которые проистекают из свойств социума как вероятностной (стохастической) системы.

Строго говоря, стохастические отношения представляют собой особый случай детерминистских отношений, когда вместо однозначных числовых значений переменных принята вероятность распределения значений этих переменных. Состояния социальной системы – результат такого рода отношений, и поэтому все представленные на схеме факторы, стимулы и реакции нужно интерпретировать именно таким стохастическим образом.

Жестко детерминированные или, как их можно еще назвать, системы последовательного действия, конечно, тоже могут быть вычленены из состава социальных систем. К их числу относятся, например, административные организации, которые создаются организационными системами иерархически более высокого уровня для решения строго формализованных, функциональных задач. Основа внутреннего регулирования в таких системах – административный порядок, строгие должностные инструкции, единоначалие и т. д.

Однако такого типа организации существуют, как правило, в рамках более широких социальных структур, подчиненных глобальным стохастическим закономерностям.

Социальные системы относятся к разряду сложных вероятностных систем с памятью и с упреждающим типом регулирования. Выходные значения таких систем управления, т. е. конкретные результаты их жизнедеятельности, определяются будущими потребностями значениями величин. В нашей схеме эти значения зависят как от факторов внешней, так и внутренней среды.

Телеологические системы социального типа могут получить свое адекватное методологическое разрешение только в рамках комплексной диалектико-системной методологии во всем многообразии ее средств. Диалектика строения, функционирования и развития социума требует особого скрупулезного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи. Здесь же остановимся только на конкретном алгоритме теоретико-системного подхода, который можно выразить следующим образом: определив абстрактные свойства системы «вообще», исследователь последовательно конкретизирует эти свойства путем классификации всего спектра возможных систем, а затем, посредством выводов по аналогии, соотносит эти модели с реальными (эмпирическими) системами – теми фрагментами действительности, которые он выделяет в соответствии с познавательной задачей.

Определив таким образом тип реально исследуемой системы, исследователь начинает, используя структурно-функциональные соображения, подбирать необходимые и достаточные условия для оптимального режима системы.

Сознательное и методологически выверенное социальное управление, таким образом, означает выбор альтернатив из имеющихся ресурсных возможностей. Применяемые для исследования и моделирования логико-методологические процедуры, адекватные предмету социального знания, осуществляются с применением формальных и полужформальных средств нелинейного программирования, исследования операций, теории игр и принятия решений.

Последняя является ярким примером современного преодоления прежней интуитивной стадии социального целеполагания и принятия решений. Предметом анализа в теории игр в ее социальном приложении является социальное событие, представленное как рациональный конфликт. Для рассмотрения проблемных ситуаций в этом случае выделяются только определенные исходы социальных коллизий. Социальные «игры» – это и исторические альтернативы, и конфликты ветвей власти, и социально-психологические разногласия, имеющие место в процессе дифференциации и интеграции малых социальных групп.

Формальная теория игр отвлекается от конкретного содержания социального конфликта, т. е. содержания и природы участвующих в нем сторон. Она строит математическую модель конфликта, уточняет сам смысл понятия «лучшая стратегия» в целенаправленных системах.

Вся трудность применения таких моделей для разрешения реальных конфликтных ситуаций в обществе заключена в принципиальной неформализуемости многих факторов, отнесенных нами в выше обозначенной схеме к внутренней среде системы социального управления.

Вот почему, например, термодинамическая или теоретико-игровая модель биологической организации и эволюции оказывается намного эвристичней, нежели подобное моделирование процессов жизнедеятельности и развития социума.

Учитывая это, в методологической части социального исследования нужно ориентироваться на взаимодополнительность и взаимосоответствие самых разных подходов и уровней анализа. Абсолютизация односторонних, например, содержательно-абстрактных диалектических или абстрактно-формальных структурно-функциональных способов теоретической реконструкции объекта изучения препятствует достижению конкретной истины социального знания, т. е. того уровня объяснения и понимания социума, когда объект исследования не только задан в своей чувственной определенности и эмпирической самоочевидности, но и интеллектуально дан в максимально возможном на данном уровне развития науки богатстве его определений.

Современные методологические средства, часть из которых рассмотрена нами выше, безусловно расширяют рамки таких определений, дополняют концептуальный аппарат социального исследования и значительно обогащают традиционный тезаурус гуманитария.

Если говорить о структурно-функциональной методологии, то совершенно очевидно, что грамотное ее применение может позволить социологии избавиться от спекулятивно-метафизического подтекста и рационально объяснить процесс целеполагания и целеразрешения в социуме, повысив тем самым объяснительную и прогностическую силу социального исследования. На основе этой методологии более определенными и конкретными выглядят, например, задачи социального управления, т. е. практического обеспечения требуемого оптимального режима социальных отношений, – такого динамически равновесного их состояния, когда результирующая сила негативных и позитивных воздействий не ведет к катастрофической дезинтеграции, хаосу и регрессу.

Исходя из этой методологии, можно заключить, что теоретически возможны и практически реализуемы три варианта функционального развития социальных отношений: их качественной подстройки, органической перестройки и разрушения. При первом варианте возникшие социальные возмущения затухают под воздействием прежней внутренней среды системы. Эта ситуация наблюдается, например, при нейтрализации властью или средствами гражданского общества проявления отклоняющегося социального поведения, т. е. без существенной корректировки внутренней среды социума.

Второй вариант наступает, когда дисфункциональная флуктуация проникает во внутреннюю среду социума настолько глубоко, что преобразует ее существенным образом. Динамическое равновесие отношений в таком случае устанавливается уже на новом уровне состояния системы. Это вариант естественной смены социальных институтов, новой качественной определенности общественной жизни.

Третий, самый болезненный и регрессивный вариант развития событий, состоит в том, что изменения в обществе приобретают форму перманентных социальных потрясений и управленческий баланс сил превращается в свою противоположность. При таком исходе общество ввергается в пучину хаоса и процесс в целом выходит из-под разумного контроля.

Во избежание такого рода негативных социальных ситуаций методологически адекватное социальное исследование должно оперативно предложить практике управления программу изучения состояния социальной системы и проектирования необходимых управленческих воздействий, т. е. технологичных способов достижения социального оптимума.

Такая программа базируется на известных общесистемных процедурах системного анализа, системного синтеза и так называемого метода «черного ящика».

В общем случае, задача анализа системы сводится к исключению из всего множества структурных отношений и связей всех тех, которые считаются несущественными для исследуемой системы. Исследователь на этом этапе стремится объяснить имеющееся поведение социума или, говоря формально, соотнести структуру его морфологического состояния со структурой имеющегося в наличии реального взаимодействия и развития.

Синтез системы – методологическая проблема, противоположная анализу. Ее можно сформулировать следующим образом. Поведение и динамическая программа системы заданы изначально. Задача системного моделирования в этом случае представляет собой отыскание (математически-компьютерными и содержательными средствами) такой структуры, т. е. такого элементного состава и отношения между элементами, которая могла бы реализовать заданное поведение.

Таким образом, анализ системы осуществляется в основном индуктивным путем, а синтез ее может быть отнесен к особому типу дедуктивного построения знания.

Особой спецификой обладает метод «черного ящика». Он применяется в том случае, когда организация и поведение системы неизвестны или недостаточно известны, но должны быть определены. Для этого исследователь может делать выводы только на основании сравнения входных и выходных значений переменных и представления о внутренней среде системы носят поэтому только гипотетический характер. Системное моделирование строится в этом случае на основе перебора проб внешних воздействий и соответствующей их корректировки после анализа результатов функционирования.

Реальная практика системного исследования и моделирования осуществляется в рамках рассмотренной методологии путем трех основных этапов.

Первый из них может быть назван диагностическим. В ходе его реализации фиксируется сама социальная проблема, т. е. определяется реальное противоречие между функциональными потребностями и наличными ресурсными возможностями системы. Исследователь, далее, ищет причину возникшей проблемной ситуации. Для этого он предпринимает декомпозицию системы, т. е. аналитически расчленяет ее на подсистемы и элементы без потери этими компонентами свойств целостности. Теоретическая работа ведется здесь с применением известных способов идеализации и формализации, других общелогических и специальных средств анализа.

На втором этапе, который предназначен для проектирования нового структурно-функционального состояния системы, сравниваются различные варианты ее строения, выбираются оптимальные способы функционального объединения элементов и отношений в целом в соответствии с аксиологическими и прагматическими критериями, или, говоря иначе, гипотетико-дедуктивным образом подбирается требуемое поведение системы.

На последнем этапе осуществляется практическая реализация и внедрение системы, когда результаты предыдущих этапов переводятся в плоскость практических рекомендаций и формулировки конкретных управленческих решений.

Завершается весь исследовательско-управленческий цикл проверкой практической реализации проекта, отладкой и контролем вновь созданного социального механизма по принципу обратной связи.

Нам представляется, что только такое понимание специфических особенностей предмета социального познания и этапов методологической проработки всего процесса теоретической реконструкции социальных систем, а также принятия управленческих решений по их модернизации, может лечь в основу современных программ логико-методологической подготовки будущих специалистов.

Качественное изменение ситуации в этой области вузовского образования видится, кроме того, на пути дальнейшего сближения и согласования учебных программ инженерного, математического и гуманитарного профилей и усиления общей методологической направленности высшего образования.

Abstract. Some problems of logics and methodology of social studies are presented in the paper. The paper considers the laws of social reality as the continuation of the laws of nature which are the expression of resulting activity of people. They are the highest manifestation of the processes of self-organization and development.

Литература

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М., 1988.
2. Дрюк, М.А. Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм // М.А. Дрюк / Вопросы философии, 2004. – №10
3. Ивин, А.А. Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М., 1988.
4. О'Шонесси. Системный анализ организации – В кн. «Организационная психология» / О'Шонесси. – С.-Петербург, 2001. – С. 132
5. Никитин, Е. С. Объяснение – функция науки / Е. С. Никитин. – М., 1970.
6. Пригожин, И. Порядок из хаоса / Пригожин И., Стенгерс И. – М., 1986.
7. Хакен, Г. Синергетика. Иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М., 1985.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 12.06.07